

А

ЧЕРНОМОРСКІЕ БОГАТЫРИ.

Картины Севастопольской обороны.

В. А. Радича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание П. П. Сойкина

КНИЖНЫЙ ОНЛАДЪ:	{	КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ:
Стрелянная, № 12, собств. домъ.		Невскій пр. 96, уг. Надеждинск.

А

2007051781

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПЪ. 26 ДЪ АВРІЯ 1904 г.
ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА. СПЪ, СТРЕМЯННАЯ, 12.

А

1.

Кровавая заря. — Врагъ идетъ. — Севастополь на порогѣ великихъ
событій. — Совѣтъ героевъ. — Жертва вечерняя.

Вечерѣло.

На обрывкахъ сентябрьскихъ тучъ медленно догору-
ралъ печальный закатъ. Караваны неуклюжихъ, тяже-
лыхъ облаковъ нехотя, ползли къ западу.

По пути они принимали изжелта-красный оттѣнокъ
и казались выкованными изъ чистой мѣди. Передніе
ряды сталкивались, разрывались и принимали видъ
апокалипсическихъ чудовищъ: тутъ были драконы,
великаны-черепахи, змѣи и гиганты-быки съ склонен-
ными головами...

На горизонтѣ всѣ отдѣльныя очертанія сливались
въ одну общую массу, освѣщенную отблесками дале-
каго пожара. Этимъ отблескомъ были окрашены ниж-
ніе слои воздуха; онъ подернулъ румянцемъ зари па-
руса старыхъ фрегатовъ и рыбацкихъ лодокъ, онъ тре-
петалъ на зеленыхъ волнахъ и набросилъ багровую
дымку на бѣлыя стѣны севастопольскихъ строеній.

Сизокрылыя чайки, какъ и вчера носились, надъ
бухтой, оглашая воздухъ своимъ немолчнымъ пискомъ,
но привычное ухо рыбака различало въ этихъ зву-
кахъ тревогу.

Да и какъ было не тревожиться сизокрылымъ чай-
камъ, когда съ береговъ Альмы давно уже доносился

*

А

какой-то странный грохотъ, напоминающій отдаленные раскаты грома.

Уже и заря погасла, а въ прозрачномъ воздухѣ, высоко надъ землей, неслись полукругами отряды чернаго воронья.

Вороны спѣшили туда, откуда доносились выстрѣлы, гдѣ справляла свой праздникъ смерть. Инстинктъ сулилъ имъ богатую добычу; они знали, что ихъ ждетъ пиръ, такъ какъ въ прибрежныхъ заросляхъ и расщелинахъ скалъ останется навѣрно достаточно неубранныхъ труповъ.

Тучи пораздвинулись и небо усыяли мириады яркихъ, южныхъ звѣздъ. Вспыхнули огоньки на рейдѣ; пробили склянки, но обычная вечерняя тишина не наступала. Грозные звуки канонады напоминали, что врагъ близко, врагъ идетъ.

Чувство ничѣмъ непреоборимой грусти сливалось съ чувствомъ страха въ сердцахъ мирныхъ жителей. Но когда вдругъ грозный рокотъ канонады началъ замирать и смолкъ совершенно, уступивъ мѣсто тишинѣ,—всеобщая тревога усилилась.

— Что тамъ на Альмѣ?

— Удержали ли наши свои позиціи?

— Какъ велики потери?

— На что рѣшился главнокомандующій?...

Десятки и сотни подобныхъ вопросовъ волновали каждого, но отвѣта на нихъ не было.

Наконецъ, въ укрѣпленія начали прибывать сбивчивыя вѣсти. Говорили о смѣшанномъ поспѣшномъ отступленіи нашихъ войскъ, о нераспорядкахъ штаба, о невозможности противопоставить наши гладко-ствольныя ружья иностраннымъ нарѣзнымъ штуцерамъ, берущимъ безъ промаха вдвое большія разстоянія.

Одно было вѣрно и несомнѣнно, и справедливость этого чувствовалась одинаково всѣми сердцами, это, что сраженіе проиграно.

Мужчины хранили угрюмое молчаніе, женщины — проливали слезы.

Съ бухты донесся новый перезвонъ: склянки пробили девять.

Въ этотъ часъ отъ главнокомандующаго сухопутными нашими силами, князя Меншикова, прискакалъ курьеръ и остановился у дома, занимаемаго адмираломъ Корниловымъ.

Уважаемому адмиралу сейчасъ жѣ доложили о прибывшемъ и послѣдній былъ введенъ въ комнату, гдѣ собрались подчиненные адмирала и боевые товарищи въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Флотъ нашъ, успѣвшій прославить себя въ недавнихъ дѣлахъ съ турками, теперь бездѣйствовалъ и, стоя на якоряхъ, старые фрегаты дремали, вспоминая грозные и славные дни Синопа.

По выраженію лица прибывшаго вѣстника, можно уже было догадаться, что онъ явился не съ радостными сообщеніями объ альминскомъ дѣлѣ.

Корниловъ принялъ пакетъ, прочелъ приказъ главнокомандующаго, молча обвелъ присутствующихъ флагмановъ и капитановъ глазами и объявилъ слѣдующее: „Наши войска дрались храбро, но потерпѣли поражение. Непріятель идетъ на Севастополь. Вражескій флотъ можетъ сжечь наши корабли... Предлагаю: всему нашему флоту выйти въ море, напасть на непріятельскій флотъ, стараться разбить его, а при неудачѣ — схватиться на abordажъ, бортъ о бортъ съ самыми сильными вражескими судами и вмѣстѣ взорваться на воздухъ. Мы спасемъ и армію и Севастополь“.

Это безсмертное слово было произнесено просто, но присутствующіе невольно почувствовали, что имъ предлагаютъ титаническое самоубійство, предъ которымъ, пожалуй, поблѣднѣетъ подвигъ Леонида и трехсотъ спартанцевъ. Если генералъ-адмиралъ такъ просто говорить объ этомъ дѣлѣ, то это потому, что предлага-